

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

МЕТОДЫ
СОЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ

ТЕЗИСЫ

17-18 февраля 2026 года

Институт востоковедения РАН
г. Москва, ул. Рождественка 12

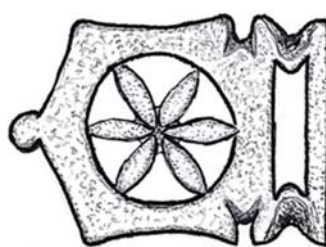
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
Отдел антропологии Востока
Центр археологической антропологии

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
Отдел теории и методики

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДВО РАН

ТЕЗИСЫ

Всероссийской научной конференции
«МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ»

г. Москва
17–18 февраля 2026 г.

Епимахов Андрей Владимирович (д.и.н. — ЮУрГУ — Челябинск)

КУРГАННОЕ «СООБЩЕСТВО», ИЛИ ПОЧЕМУ ОНИ ВМЕСТЕ?

Погребальные памятники II тыс. до н.э. аридной части Евразии нередко представляют собой крупные некрополи, состоящие из многомогильных курганов. В сравнении с предшествующим периодом перестают быть экзотикой и совместные погребения разного состава. Если для более раннего периода селективный характер формирования тафокомплексов не вызывает особых сомнений, то для II тыс. до н.э. ответ не столь очевиден, хотя аномалии демографического профиля, все же, фиксируются. Появление палеогенетических данных и возможности моделирования длительности функционирования кургана дают исследователю новые инструменты интерпретации, позволяя отказаться от «простых» ответов об элитном, «родовом» или «дружинном» характере некрополей. При этом, синкретический характер ритуальной деятельности коллективов, не сформировавших сложные иерархические или гетерархические структуры, являясь препятствием для реконструкции социальных структур в максимальной полноте, не исключает саму возможность таких построений.

Добровольская Мария Всеволодовна (чл.-корр. РАН, д.и.н. — ИА
РАН — Москва)

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Палеоантропологические материалы в любой их форме – единственный подлинный источник для изучения индивидуальной физической жизни человека прошлого. Мы исходим из того, что сходство маркеров образа жизни могут использоваться как основа для выявления групп индивидов, идентичных по образу жизни в древнем социуме. В дальнейших этапах комплексных исследованиях социальных феноменов и закономерностей, эта структура должна учитываться. Каковы маркеры образа жизни, или традиций повседневной жизни? Это пищевые модели,

мобильность, наиболее значимые стрессы, наиболее характерные физические нагрузки, зачастую патологии, связанные с образом жизни и пр. Остановлюсь лишь на первых двух позициях, изучаемых, в частности, методами изотопного анализа. От цели исследования зависит выбор образцов палеоантропологических материалов. Здесь важны выбор типа биологической ткани, возраст индивида или возраст индивида, отраженный в конкретном образце. Изучение образцов биологически консервативных структур создают возможность судить об элементах возрастной динамики образа жизни. Возраст – важнейший биологический и социальный маркер. Возможность наблюдения одного индивида в разные периоды его жизни – путь изучения социальной значимости возраста. Другая биологическая и социальная характеристика – пол, учет которой всегда важен, но не всегда возможен. В докладе предлагаются сюжеты, которых проверяются гипотезы о социальной значимости пола и возраста при исследовании таких маркеров образа жизни как усредненный пищевой рацион и индивидуальная мобильность. Обсуждается проблема «конструирования» отдельного исследования для проверки отдельной гипотезы.

Яценко Сергей Александрович (д.и.н. — РГГУ — Москва)

КАКУЮ ИНФОРМАЦИЮ ОБ ОБЩЕСТВЕ МОЖНО ИЗВЛЕЧЬ ИЗ КУРГАННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ ДРЕВНОСТИ?

Изучение курганных могильников кочевников раннего железного века (речь идет о совокупности погребений одной культурной и хронологической группы в них) ставит куда больше вопросов, чем дает ответов. Это происходит, в том числе, из-за их недавнего разрушения, опустошения грабителями-современниками и неполных раскопок некогда единого комплекса некрополя. До сих пор встречается наивная трактовка таких ритуальных комплексов как прямо и достоверно отражающих демографию и внутреннюю иерархию оставивших их кочевых общин, костные останки животных в них – как отражение реального состава стада, соотношение типов посуды – как имевшее место в быту и т.п. Подобный перекосят отчасти объясняется исходно резким преобладанием раскопок именно некрополей в ущерб исследованию кочевых стоянок, святилищ, кладов и иных категорий памятников. Генетический анализ до сих пор

крайне редок, и неясно, был ли курган-кладбище одной культуры или однокультурный сегмент могильника захоронением группы родственников или же – представителей соседской общины, со включением зависимых лиц. И для малых, и для крупных курганных кладбищ нередки случаи использования 2-3 разных форм погребальных сооружений, ориентировки умерших или иных значимых деталей погребальной традиции. Что скрывается за этим разнообразием: происхождение из различных кланов, разница в заслугах перед общиной, разные детали биографии, сакральный статус человека или обстоятельства его смерти? Мировая этнография позволяет допустить все эти версии. Что означает распространенное деление курганной цепочки на 2 и более разновеликих сегмента: группировку вокруг основателей / лидеров или нечто иное? Почему число курганов в огромном большинстве некрополей очень невелико, а их наполняемость часто кратна священным числам (5, 7, 12), и где и как упокоились остальные члены коллектива? Кочевников наверняка хоронили в зонах не только зимних, но и летних стоянок, но попытки выявить такую связь могильников пока всерьез не предпринимались. Что означают разные предпочтения в размещении на местности некрополей одной культурной группы: только ли дело в локальной специфике рельефа, водопоев, переправ, близости к стоянке и т.п., или же это иногда связано с составом и ролью умерших, с сакральным характером местности? Особое значение имеют сверхкрупные, нетипичные для данной культуры (и нередко – единственные для нее) могильники, которые, вероятно, располагались в святых местах. Судя по характеру приношений, святилища в составе курганных кладбищ не всегда связаны лишь культом предков.

Тишкин Алексей Алексеевич (д.и.н. — АлтГУ — Барнаул)

НЕКРОПОЛЬ СЮННУСКОГО ВРЕМЕНИ ЯЛОМАН-II НА АЛТАЕ КАК ПОЛИГОН ДЛЯ КОМПЛЕКСНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ (РНФ, проект №22-18-00470-П)

Исходя из разработанной методики палеосоциальных реконструкций на основе обширных археологических материалов Алтая скифо-сакского времени (Тишкин, Дашковский, 2003), аналогичная работа последовательно осуществлялась моими учениками для других периодов древней и раннесредневековой истории кочевников указанного региона

(Матренин, 2005; Серегин, 2011), а также сопредельной территории (Кондрашов, 2004). Полученные системные результаты заложили необходимый фундамент, но не исчерпали возможности имевшихся и постепенно накапливающихся источников в виде исследованных погребальных объектов. В данном контексте есть смысл обратиться к детальному анализу отдельных некрополей. В качестве примера автор предлагает рассмотреть данные половозрастного анализа некрополя Яломан-II, который находится в Центральном Алтае и относится к раннему этапу булан-кобинской археологической культуры. Особенностью этого памятника является отражение ситуации освоения территории мигрантами, а преимущество его в том, что все погребения не были ограблены и содержали существенный погребальный инвентарь, позволяющий рассматривать характерные гендерные отличия.

Свиркина Наталия Геннадиевна (к.и.н. — ИА РАН — Москва)

**ОЦЕНКА МАСШТАБА СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП:
ВОЗМОЖНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
КОЛЛЕКТИВНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ)**

В докладе представлены результаты анализа половозрастной структуры коллективных захоронений в пяти позднескифских склепах (I в. до н.э. - сер. II в. н.э.) могильника Опушки, расположенного в центральной части крымских предгорий. Большинство известных позднескифских склепов содержат останки не более нескольких десятков человек. Предполагается, что склепы были местом посмертного объединения членов одного коллектива: малой (нуклеарной) или большой семьи. В более редких случаях, когда количество погребённых превышает несколько десятков человек, они могут трактоваться как усыпальницы семейно-родственных групп или кланов. О специфике половозрастного состава подобных захоронений известно крайне мало. Для склепов из могильника Опушки установлено, что количество погребённых в камерах варьирует от 52 до 109, во входных ямах от 17 до 28, таким образом, в склепах могли хоронить свыше сотни человек. Выдвинуто предположение, что они использовались устойчивыми коллективами, а не были местом захоронения членов одной семьи. Косвенным подтверждением

неоднородности происхождения членов этого коллектива свидетельствуют находки черепов с искусственной деформацией. Значительная вариативность в доле детских погребений, практически полное отсутствие детей до года свидетельствует о специальной детской погребальной практике.

*Исследование выполнено в рамках плановой темы № НИОКТР 126011315527-2

Щавелев Алексей Сергеевич (д.и.н. — ИВИ РАН — Москва)

**СООБЩЕСТВО ГОРОДА *SÝRNESGARÐR (ГНЕЗДОВСКОГО АК)
В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ НАРОДА РУСЬ
IX – НАЧАЛА XI В.**

Народ русь сформировался в IX–XI вв. в нескольких однотипных крупных стационарных поселениях в Верхнем и Среднем Поднепровье, сочетавших в себе функции мегаполисов, концентрирующих культурные достижения; эмпориев, которые были узловыми точками глобальной торгово-коммуникационной системы Евразии; а также политических центров («столиц») формирующих новых территориально-политических образований типа и уровня вожеств. Эти центры урбанизации были точками его кристаллизации и дальнейшей иррадиации. Все они имели изоморфную территориальную структуру, состоявшую из укрепленной цитадели (городища), портовой зоны, городского могильника. У всех были поселения-спутники, т. е. субцентры второго уровня, которые были их уменьшенными копиями. В качестве эталонных памятников следует назвать Киев (*Sambátar / *Sambátr), Чернигов, Шестовицкий археологический комплекс (*Kjarravellir?), Гнездовский археологический комплекс (*Sýrnesgarðr). Все основные группы синхронных и ретроспективных письменных источников указывают на существование у сообществ народа русь четырех социальных статусов – высший, высокий (элитарный), стандартный (полноправный) и низший (неполноправный).

Мегаполис в Верхнем Поднепровье X – начала XI в., носивший название *Sýrnesgarðr, ныне – Гнездовский археологический комплекс – один из крупнейших политических и торгово-ремесленных центров эпохи викингов в пределах распространения ранней древнерусской археологической культуры. Высокая степень археологической изученности

этого памятника позволяет на основе введенных в научный оборот данных попытаться найти решение сложной проблемы реконструкции социальной иерархии его городского сообщества. Социум Сюрнесгарда представлял собой развитое ранговое (ранжированное) или даже раннестратифицированное общество с выраженной трехуровневой иерархией. Высшая страта использовала особые трудоемкие погребальные обряды с богатым сопровождающим инвентарем; средняя – маркировала свои погребения предметами вооружения; а основная масса рядового населения практиковала различные формы «стандартных» захоронений без каких-либо эксклюзивных признаков. Анализ хронологии погребений элиты позволяет выявить два ее поколения с различными культурными установками, экономическими практиками и паттернами поведения. Первое поколение первой половины X в. использовала обряды захоронения в больших курганах и/или в лодках (ладьях). Второе поколение середины – второй половины X в. использовала обряд захоронения в «деревянных камерах». Смена «правлящего класса» «больших курганов и ладей» на новую привилегированную группу «деревянных камер» произошла примерно в 940–960-е гг. либо после завоевания города войсками политики Рюриковичей, либо, что вероятней, в результате внутреннего конфликта двух привилегированных групп.

Таким образом, археологические данные о стратификации городского сообщества Сюрнесгарда (высшая страта элиты, средняя страта носителей оружия и страта основной массы населения), в целом совпадают с социальной стратификацией народа русь, реконструируемой по письменным текстам (элита с лидером во главе, полноправные мужчины и женщины и некие неполноправные).

Мордвинцева Валентина Ивановна (Dr. hab. — НИУ ВШЭ, ИВИ
РАН — Москва)

**ОПЫТ РАНЖИРОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ
ВАРВАРСКОЙ ЭЛИТЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ III в. до н.э. –
сер. III в. н.э.**

В докладе приводятся результаты сравнительного анализа погребальных комплексов варварской элиты, среди которых были выявлены качественные группы, которые могут выступать, наряду с другими признаками, маркерами уровней внутривосточной интеграции.

Качественные группы были выделены отдельно по следующим критериям: (А) женские, (В) мужские, (С) индивидуальные детские погребения, (D) комплексы без человеческих скелетов и (Е) комплексы с большим количеством человеческих скелетов и смешанным инвентарем. Элитные погребальные комплексы в этих группах были классифицированы по наличию престижных предметов различных типов (ценности, редкости, инсигнии). Отнесение престижных предметов к категории инсигний осуществлялось путем корреляции с письменными, изобразительными и археологическими источниками.

Стоянова Анастасия Анзоровна (к.и.н. — ИАК РАН —
Симферополь)

**«ЭЛИТЫ» КРЫМСКОГО БАРБАРИКУМА
ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ
(РНФ, проект № 25-28-00674)**

О социальной структуре населения, обитавшего в предгорьях Крыма в III–IV вв. н.э., мы можем судить только по материалам погребальных памятников. Выделить в них погребения племенной «элиты» до недавнего времени было довольно проблематично. Использование для этой цели таких традиционных маркеров, как изделия из золота и оружие, приводило к выводу о том, что дифференциация погребенных по социальному или имущественному признаку в позднеримское время была очень

незначительна. Нельзя исключать и того, что она могла отражаться в каких-то иных, не очевидных нам чертах погребального обряда.

В минувшее десятилетие в научный оборот полностью введены материалы раскопок могильников Усть-Альма, Бельбек IV, Нейзац, Фронтное 3. Последний, благодаря своей сохранности и степени изученности, особенно важен для понимания социальной стратификации оставившего его коллектива. В докладе с учетом этих данных будет сделана попытка еще раз обратиться к проблеме выделения «элит» варварских социумов предгорного Крыма, определении их региональной специфики и эволюции на протяжении двух столетий.

Красноперов Александр Анатольевич (к.и.н. — УФИЦ УО РАН —
Ижевск)

**НЕ РЯДОВЫЕ, НО И НЕ ЭЛИТНЫЕ:
«МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВОЗВРАЩАЮЩИХСЯ
ВЕТЕРАНОВ»**

Археологически фиксируемые общества лесной зоны (железного века и раннего средневековья; ≈ «римского времени») выглядят довольно однородными. Бродячие по литературе сюжеты про «племена», «вождества» – пережитки примитивного социологизаторства 30-х годов, не имеющие под собой никаких действительных оснований. Выделить среди них группы по категориям инвентаря, материальной культуры, можно, но обоснования, что индивиды, например, с вооружением, или с большим количеством украшений, являются «элитой», откровенно упрощены. Реально – нет механизмов «элитарности»: не над кем властвовать; нечего накапливать (все якобы статусные вещи сразу выводятся в мертвую или обрядовую культуру).

Однако говорить о полной однородности нельзя. На общем фоне не выделяются «богатые», но выделяются «бедные». Есть и привозные («импортные») находки. Среди них выделяются локальные субгруппы, объединенные повторяющимися не индивидуальными, а групповыми признаками – примерно одинаковыми наборами инвентаря. В традиционалистской историографии их называют «пришлыми», «мигрантами». Доказательств для такой интерпретации нет. Такие субгруппы хронологически неоднородны, и зачастую выходят за

территориальные пределы формальных археологических культур. Один из эпизодов связан с распространением «андреевско-писеральского» комплекса от Тульской области до Башкирии. Другой эпизод – распространение комплекса «всаднического горизонта позднесарматской культуры» вплоть до Пермского края. Есть и другие. Миграционистские концепты здесь не работают.

Эти группы не составляли местную «элиту»; не образовывали они и «неместную элиту». «Статусные» компоненты сразу захоранивались с умершим, а при жизни этот комплекс вооружения (шлемы, мечи) совершенно бесполезен при ведении боевых действий в залесенной зоне. Обстоятельства и время появления (распространения) находок позволяют рассматривать (А.А. Красноперов, И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов) их носителей как участников военных действий далеко от лесной зоны (их родины), вернувшихся позже со своим оружием и амуницией домой, – Сванте Фишер предложил для этого процесса термин «материальная культура возвращающихся ветеранов».

Вдовченко Евгений Викторович (д.и.н. — ИВ РАН — Москва)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ВЕТЕРАНОВ БОСПОРА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА II – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА III ВВ.)

В качестве археологических признаков, свидетельствующих об участии оседлого населения Барбарикума в войнах Боспора, предлагается рассматривать два класса находок. Во-первых, это поясные наборы в комплексах из некрополей Барбарикума с литыми ажурными деталями ременных гарнитур, характерных для провинциально-римской традиции. Особенностью боспорских изделий является использование изображений тамг на самих пряжках и наконечниках поясов (Треистер 2011). Детали поясного набора с тамгами и их оттиски на золотой фольге связаны с политической традицией Боспорского царства второй половины II – первой половины III в. Такие изделия вряд ли были предметами торговли и могут интерпретироваться как амуниция ветеранов.

Во-вторых, это серии кладов боспорских статеров на городищах меотской культуры на Нижнем Дону и Кубани III в. н.э. Возникает вопрос, каким образом в обществе, не знавшем монетного обращения, появляются значительные суммы из монет крупного номинала. Их предложено

рассматривать как клады, состоящие из жалованья ушедших на покой боспорских наемников (Васильев, Вдовченков 2025: 428). Предположение о том, что эти клады – свидетельство крупной оптовой торговли – не находит подтверждения за отсутствием внятных аналогов. Помимо этого, известные на Боспоре клады из монет крупного номинала также объясняются как клады наемников.

Васильев Александр Александрович
(к.и.н. — Институт iSpring — Йошкар-Ола).

**ДИНАМИКА ГЕТЕРАРХИЧЕСКОЙ И ИЕРАРХИЧЕСКОЙ
МОДЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВ БАРБАРИКУМА
ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Этнокультурный ландшафт юга Восточной Европы финала римской эпохи (III – IV вв.) сложился по итогам так называемых Скифских войн, которые вели различные варварские (в первую очередь германские) племена с Римской империей. С другой стороны, значительное влияние на этнокультурный ландшафт Восточной Европы оказала экспансия носителей аланской культуры (жителей Центрального Предкавказья). Эти события нашли отражение в формировании ряда новых либо существенной трансформации существовавших ранее археологических культур: черняховской, нейзацкой (памятники предгорного Крыма), аланов-танаитов (памятники низовьев Дона, генетически связанные с раннеаланской культурой Северного Кавказа). Значительные трансформации претерпевает и Боспорское царство – государство эллинистического типа, показавшего свой вариант греко-варварского синтеза.

В настоящий момент исследовано значительное число погребальных и поселенческих памятников этих культур, а также определена их хронология и периодизация. Это позволяет перейти к

вопросу о социальной структуре оставившего их населения. Наиболее стратифицированными являются погребальные памятники Боспора, в широком спектре от царских гробниц, до погребений рядового населения. В Подонье и на Северном Кавказе также прослеживается не менее трех имущественных рангов, вплоть до погребений «княжеского статуса». Противоположную картину демонстрируют памятники варварского населения Крыма и черняховской культуры, где на фоне в целом более высокого среднего имущественного уровня нам совершенно не известны погребения представителей высших социальных рангов. Это позволяет ставить вопрос о гетерархии как тенденции в развитии оседлого Барбарикума (в противовес иерархическим тенденциям у номадов и носителей аланской культуры Кавказа).

Радюш Олег Александрович (к.и.н. — ИА РАН — Москва)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОТ
ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ К ЭПОХЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕРХНЕЙ ОКИ И ДНЕПРА**

Бородовский Андрей Павлович (д.и.н. — ИАЭТ СО РАН —
Новосибирск)

**РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ
ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ВЕРХНЕЙ ОБИ
ПО МАТЕРИАЛАМ БЫСТРОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ
(ИСКИТИМСКИЙ РАЙОН НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Отражение социальной структуры в погребальной обрядности наиболее явственно представлено в обширных некрополях, формировавшихся на определенной территории в рамках достаточно продолжительного временного периода, советующего жизнедеятельности нескольких поколений. Достоверная реконструкция этого общественного феномена возможна при наличии целого ряда условий. Среди них

последовательность совершения захоронений в долговременных погребальных сооружениях (многомогильных курганах), заранее установленная упорядоченность размещения усопших, гендерные и возрастные особенности группировки могил, а так же наличие явных материальных признаков поликультурной принадлежности, погребенных в составе одного кургана и некрополя. В дополнении к этому, наличие у погребального комплекса хронологии, разработанной на основании естественно-научных данных (радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование) и традиционного археологического датирования задает временную последовательность отражения социальных явлений и процессов в ряде случаев, подтверждаемых на стратиграфическом уровне (ярусные погребения).

Берсенева Наталья Александровна (д.и.н. — ИИиА УрО РАН — Екатеринбург)

АРХЕОЛОГИЯ ГЕНДЕРА: ИСТОРИЯ НАПРАВЛЕНИЯ И ПОДХОДЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ

Кросскультурно, пол умершего является важным аспектом погребальной практики. Гендерные исследования в археологии, начавшись в 1970-х гг. в русле западной феминистской археологии, к настоящему времени имеют довольно длительную историю и стали самостоятельным направлением в социальной археологии. Главная идея заключается в установлении различий между биологическим полом (sex) и социальным (gender). В отличие от традиционного «половозрастного» подхода, гендерный рассматривает индивидуумов в социальном контексте. Пол (мужской или женский) – биологически детерминирован и может быть установлен антропологически через изучение скелетных останков. Гендер представляется как социальная конструкция, включающая связанные с полом роли индивидуумов в обществе. В рамках этой концепции реконструкция взаимоотношений полов в древних обществах видится более перспективной. Целью доклада является историографический обзор и варианты применения гендерного подхода к анализу археологического источника.

Серегин Николай Николаевич (д.и.н. — АлтГУ — Барнаул)

**СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКРОПОЛЕЙ
ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА АЛТАЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА ЧОБУРАК-I)
(РНФ, проект №25-18-00775)**

Представлены современные возможности изучения социальных систем кочевников эпохи Великого переселения народов по материалам раскопок некрополей на территории Алтая. Имеющийся спектр методов и подходов продемонстрирован на примере исследования полностью раскопанного комплекса Чобурак-I в северной части данного региона. Социальная интерпретация материалов базировалась на детальном анализе всех характеристик данного некрополя (хронология, этнокультурные особенности погребального обряда, антропологические определения и др.). Установлено, что ключевым маркером социальной стратификации выступал сопроводительный инвентарь. Выделены социальные группы оставившего некрополь населения, которые коррелируют с особенностями планиграфии памятника. Полученные данные дополнены результатами палеогенетического анализа серии образцов. Сопоставление имеющихся сведений о социальной системе населения булан-кобинской культуры позволяет сформулировать заключение о том, что некрополь Чобурак-I оставлен представителями местной элиты кочевников Северного Алтая жужанского времени.

Goffriller Martin (PhD — University of Liverpool — Suzhou, China)

**TRIBAL SOCIAL ORDER AND PROTO-URBAN TENDENCIES IN THE
DZHETYASAR CULTURE:
A CASE OF SETTLEMENT-BASED RECONSTRUCTION**

The Dzhetyasar culture (1st c. BCE–7th c. CE) in the Syr Darya delta presents a compelling case for reconstructing social structure through settlement archaeology. With over 60 fortified sites arranged along palaeochannels, Dzhetyasar reflects a tribal, lineage-based society organized through intervisible, modular settlements. Spatial layout and architectural repetition suggest local

autonomy without central control. However, signs of increasing site size, shared infrastructure, and formalized planning point to early synoecistic tendencies—the gradual coalescence of tribal units into larger socio-political communities. This paper uses settlement patterning, environmental data, and micro-architecture to explore how tribal societies in Central Asia adapted to ecological change and Silk Road interaction. Dzhetyasar offers rare archaeological insight into transitional forms of social complexity outside state frameworks, and highlights practical methods for reconstructing social order in the absence of written sources.

Heinrich Härke (Dr. hab. — Universität Tübingen — Tübingen and
Moscow)

Аржанцева Ирина Аркадиевна (к.и.н. — НИУ ВШЭ — Москва)

INFERENCE OF SOCIAL DIFFERENTIATION FROM URBAN EVIDENCE: THE CASE OF DZHANKENT (KAZAKHSTAN)¹

Settlement data are a methodologically more challenging source category for the inference of social differentiation than the apparently more informative burial evidence, but their analysis becomes important in cases where burials have not been found (as in the case presented here) or where the interpretation of a settlement, in terms of type and function, hinges on evidence from the settlement itself. Such a case is the site of Dzankent, an early medieval settlement on the Northern Silk Road (obl. Kyzylorda, west central Kazakhstan) which is apparently named in written sources of the 10th century as a ‘town of the Oguz’. In some quite recent publications, this has led to declaring it the ‘nomad capital of the Oguz state’.

The conceptual starting point has to be the clear distinction between social stratification (mostly addressed in burial analysis) and horizontal social differentiation (addressed mainly by social anthropologists). The starting point for a critical analysis of the data collected by our interdisciplinary project at Dzhanakent since 2011 is the definition of a ‘town’ by the sociologist Max Weber (1921), its adaptation by the archaeologist V. Gordon Childe (1950), and comparative observations by the cultural anthropologist M.E. Smith (2020). Their definitions, rather than highlighting status groups in towns, imply the

¹ К сожалению, этот доклад не может быть прочитан на конференции, но здесь размещены тезисы для ознакомления.

presence of functional groups with economic, social and ritual roles which are easier to identify in urban settlement evidence than the social status of individuals.

In the case of Dzhanakent, its planning history and the inference of certain social groups suggest that it is indeed best identified as a settlement of urban character, but the absence of relevant indicators (e.g. for a top-level social elite) also suggests caution in its interpretation as a conventional 'capital'. Whatever the concrete outcome of the preliminary analysis presented here, it demonstrates that we need workable approaches and a clearer

methodology for the analysis of social differentiations in early medieval towns of Eurasia.

REFERENCES

Childe, V.G. (1950). The urban revolution. *The Town Planning Review* 21:1, 3-17.

Smith, M.E. (2020). Definitions and comparisons in urban archaeology. *Journal of Urban Archaeology* 1, 15-30.

Weber, M. (1921). The nature of the city. Repr. in: R. Sennett (ed.) 1969, *Classic essays in the culture of cities*. Repr. Englewood Cliffs, N.J: Prentice-Hall, 23-46.

Беляев Дмитрий Дмитриевич (к.и.н. — РГГУ, НИУ ВШЭ —
Москва)

Сафронов Александр Владимирович (к.и.н. — МГУ — Москва)

**МЕТОДИКА АНАЛИЗА ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
РАННИХ ГОСУДАРСТВ
(НА ПРИМЕРЕ ЦАРСТВ ДРЕВНИХ МАЙЯ ДОЛИНЫ ВЕРХНЕЙ
УСУМАСИНТЫ VII-VIII ВВ.)
(РНФ, проект № 25-28-00652)**

Поселенческая археология (settlement patterns archaeology) как одна из важнейших составляющих современной социальной археологии складывается в середине XX в. По мнению Гордона Уилли и его последователей именно анализ эволюционных изменений поселенческой организации (settlement patterns) позволяет выделить этапы культурного развития исследуемых обществ. В рамках неозволюционистской антропологической археологии особое внимание было уделено поселенческой иерархии как материальному отражению иерархии уровней социально-политической организации, которая выступает одним из ключевых индикаторов эволюционного типа политии. В классической неозволюционистской схеме вожества характеризуются иерархией из двух и трех уровней, а архаическое государство - из четырех и более. Эта схематичная модель в силу своей простоты и удобства получила широкое распространение в 1960-1980-е гг. и долгое время доминировала в мезоамериканистике. При этом поселенческая организация безусловно шире, чем исключительно поселенческая иерархия, и ее исследование позволяет гораздо более комплексно оценить общества прошлого, на что, в частности, неоднократно обращал внимание В.И. Гуляев.

После публикаций Г. Джонсона 1970-х гг., в которых была предложена методика регионального анализа на основе заимствованных из экономической географии теории центральных мест и модели ранг-размер (закон Ципфа-Ауэрбаха), эти методики стали крайне популярны для оценки степени централизации политических объединений, реконструируемых по археологическим данным. Несмотря на неоднократную критику, они продолжают активно использоваться археологами.

В исследование общества древних майя методики поселенческой археологии пришли относительно поздно, что было обусловлено

традиционной фокусировкой майянистики на изучении крупных центров, а также природно-географическими условиями. При этом ставшая хрестоматийной модель и включенная в учебники модель анализа региональной политической организации майя Дж. Маркус современными исследованиями фактически опровергнута.

На современном этапе исследований поселенческой организации древних майя на смену традиционным методам пространственного анализа массива данных пришел ГИС-подход, позволяющий проводить классификацию объектов, на основе их атрибуции по любым параметрам, осуществлять представление и визуализацию многоуровневых точечных, а также моделировать распределение окружающей территории между изучаемыми объектами, с учетом особенностей физической географии. Применение данного подхода к поселенческой организации майя в долине Верхней Усумасинты показало возможность определения иерархических связей между объектами разного уровня, моделирование потенциальных экономических зон вокруг них и, в конечном счете, реконструкции внутренней структуры отдельных политий майя. Дополнительным фактором, позволяющим верифицировать археологические реконструкции, является происходящий из местных царств богатый корпус письменных источников, датирующихся VII-VIII вв., в которых описаны не только высшие уровни властной иерархии, но и элиты среднего уровня (второго и третьего рангов).

Синицын Андрей Александрович (к.и.н. — ИИМК РАН — Санкт-Петербург)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В середине прошлого века лидер первобытной археологии того времени Ф. Борд (Франция) выделял три школы изучения палеолита: французскую – стратиграфическую, англо-американскую – экологическую и советскую/российскую – социологическую.

Формирование отечественной школы в 20-30-е годы прошлого века по времени совпало с распространением марксизма и происходило, несомненно, под его влиянием, но ее основой было открытие и исследование сложно структурированных жилищ и поселений в Костенках.

На основании их сходства с длинными домами американских индейцев и полинезийцев возникло предположение о сходстве их социальной, родоплеменной организации. Анализ серии женских статуэток из Костенок и Гагарино обусловил появление концепций матрилокальности и охотничьей магии. Открытие погребений в Костенках и Сунгире позволило решать проблемы обрядности на реальном фактическом материале. Во второй половине XX века вследствие глобализации и увеличения мобильности ученых школы стали интернациональными, но приоритеты остались, за исключением российской, где вместе с отказом от марксизма были утрачены и принципы социологического направления. Обусловлено это было не столько изменениями в идеологии, сколько реакцией на сложившееся состояние социологических реконструкций, когда они становились не более чем иллюстрацией концепции социогенеза Морган-Энгельса. К концу XX века проблема социологических реконструкций практически вышла из сферы интересов профессиональной археологии палеолита в России, и имела место преимущественно в среде этнологов. Сейчас она существует в рамках американской и британской культурной/социальной антропологии, часто с повторением деклараций и ошибок советской науки 30-50х годов.

Утрата направлений исследования всегда является негативным явлением, поскольку редуцирует "исторически сложившийся" круг проблем. Утрата приоритетных направлений, зародившихся в рамках национальной школы – особенно.

Современное состояние проблемы социологических реконструкций не предполагает реанимации советской социологической школы, но предполагает переоценку ее принципов на основе как нового археологического материала, так и новых методических принципов, введенных в аппарат первобытной археологии за это время.

Колонских Александр Геннадьевич
(к.и.н. — ИЭИ УНЦ РАН — Уфа)

МОДЕЛИ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УФИМСКО-БЕЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

На основе ГИС-анализа и электронного картографирования археологических объектов, выделяется несколько вероятных моделей расселения раннесредневекового населения бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье:

1. Один микрорайон – один административный центр (центр власти);
2. Один микрорайон – несколько центров власти;
3. Микрорайон – хозяйственная округа (периферия), отсутствие выраженного центра;
4. Микрорайон – оборонительный рубеж (количественное преобладание укрепленных поселений над открытыми площадками поселений).

Перескоков Михаил Львович (к.и.н. — ПГНИУ — Пермь)

СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И ФОРМЫ ПОТЕСТАРНОСТИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И ЭПОХУ ВПН В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Система расселения и формы потестарности рассматриваются как элементы единой социально-экономической модели и исследуются в динамике изменения природно-климатических условий. Предлагается три теоретические модели, отражающие наиболее возможные формы поселенческих структур (Перескоков, Козьякова, 2024). Динамика развития потестарных форм рассматривается на основе всего комплекса археологических данных. Реконструируется развитие на уровне среднесложных обществ, в форме военного воджества для первой фазы раннего железного века и эпохи ВПН и специфической «теократической» социальной модели, характерной для второй фазы раннего железного века (III в. до н.э. – III в. н.э.), характеризующейся развитием крупных святилищных комплексов – кострищ гляденовской культуры. Предлагаемая

модель развития потестарности соответствует развитию дальних культурных связей и встраиванию Прикамья в торговые системы Восточной Европы.

Ковалев Алексей Анатольевич (Центр археологической антропологии Института востоковедения РАН)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОЛОЖЕНИЯ ЭЛИТЫ ХУННУ В СТРУКТУРЕ ИМПЕРИИ ХАНЬ В ПЕРИОД ПОЛИТИКИ «ЦЗИ МИ» (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА I В. ДО Н.Э. — КОНЕЦ I В. Н.Э.)

Начиная с середины I в. до н.э. между империей Хань и государством хунну установились отношения «цзи ми» («мягкого руководства») (см. Кроль, 2005). Шаньюй, признав сюзеренитет Хань, обрел высочайший статус в рамках империи, получив, по словам Бань Гу, печать (玺) «такую же, как у Сына Неба». О наделении членов элиты единого государства хунну аналогичными атрибутами административной власти (печатами – 玺 у шаньюя и 璽 у правителей более низкого ранга) последний раз говорится в сообщении за 24-25 гг. н.э. Прослеживаются и археологические свидетельства непосредственного включения державы хунну в административную структуру империи Хань.

1. С конца I в. до н.э. до конца I в. н.э. элита хунну принимает требования ханьского законодательства о погребальном обряде, известные нам по закону «Цзан люй» 葬律, произведению «Хан цзю и» 汉旧仪, а также по археологическим исследованиям конструкции императорских мавзолеев Западной и Восточной Хань. В соответствии с этими правилами сооружаются ранжированные по размерам прямоугольные гробницы с пандусами, засыпавшиеся послойно (включая слои древесного угля).

2. К I в. н.э. относится сооружение т.н. «Ташебинского дворца» на Среднем Енисее, надпись на черепичных дисках которого указывает на принадлежность его «Сыну Неба», то есть императору Хань. Появление дворца императора Хань в границах государства хунну могло иметь место только в конце 20-х годов н.э., когда шаньюй вывез на свою территорию одного из претендентов на трон империи Лю Вэньбо (Лу Фана). Согласно цитируемому в «Хоу Хань шу» письму шаньюя, он «поставил у власти»

представителя рода Лю, считая себя наивысшим должностным лицом империи Хань, сохранившим власть в период тогдашней смуты.

3. В тексте «Хань шу» (1 век н.э.) появляется отсутствующее у Сыма Цяня сообщение о том, что шаньюй добавляет к своему титулу слова «Сын Неба», именуя себя «Сын Неба шаньюй». Такое титулование соответствует вышеуказанному статусу шаньюя, утвердившемуся благодаря мудрой политике императора Сюань-ди. Подтверждением этого является надпись на черепичных дисках хуннского городища Харганын дурвуджин (Архангайский аймак), относящегося, скорее всего, к середине 1 в. до н.э. и являвшегося резиденцией шаньюя. Уникальным является тот факт, что не только эта надпись из одиннадцати иероглифов 天子单于千万岁与天毋极, но и другая надпись на найденных здесь черепичных дисках – из четырех иероглифов 主寿臣忠 – написаны в три строчки справа налево сверху вниз. Такой порядок считывания знаков не встречается в ханьской письменности, однако был принят в письме «кхароштни», распространенном на западных окраинах державы хунну. По свидетельству трактата «Ян те лунь» (70-е годы до н.э.), у хунну практиковалась передача информации путем «гравирования кости и сворачивания древесины» 刻骨卷木, что подтверждается археологическими находками костяных и берестяных предметов с рядами знаков, в том числе горизонтальными. Таким образом, уникальное расположение иероглифов на черепичных дисках из Харганын дурвуджин может свидетельствовать о попытке приспособления знаков китайской письменности к записи слов языка хунну, причем намного ранее, чем это было сделано в Корее, Японии и Вьетнаме.

Варенов Андрей Васильевич (к.и.н. — НГУ — Новосибирск)

**КОЛИЧЕСТВО И СЕМАНТИКА ОЛЕНЕЙ МОНГОЛО-
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО СТИЛЯ НА ОЛЕННЫХ КАМНЯХ И В
НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ И ИХ «СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ»
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Доклад посвящен социологической интерпретации оленных камней монголо-забайкальского стиля с памятника Ушкийн Увэр в Монголии и петроглифов «в стиле оленных камней» из Монгольского Алтая. Подсчитано точное количество фигур оленей на каждом из хорошо сохранившихся оленных камней памятника Ушкийн Увэр в Хубсугульском аймаке северной Монголии. Выяснилось, что количество оленей (каждый из которых, по мнению автора, символизировал отдельный род) на каждой стеле четное, а часто и кратно четырем. Это может свидетельствовать, что создавшее оленные камни общество имело дуально-экзогамную родовую организацию. Поскольку оленные камни и петроглифы в стиле оленных камней создавались представителями одного и того же общества с дуально-экзогамной родовой организацией, то оленные камни и наскальные изображения стилизованных оленей отражали одни и те же характерные для него представления. Даны примеры интерпретации наскальных композиций с четырьмя, шестью, десятью и с двумя оленями.

Васильев Арсений Николаевич (НИУ ВШЭ — Москва)

**ПОГРЕБЕНИЯ-КРЕМАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ
ТУВЫ)**

Накопленный за последние десятилетия опыт социальной реконструкции в археологии позволяет вполне успешно реконструировать различные аспекты общественного устройства древних обществ – половозрастной состав населения, имущественное неравенство, выделение привилегированных групп. Однако успешные случаи решения этих задач связаны главным образом с погребальными памятниками, содержащими ингумации – в то время, как у культур, для которых были характерны кремации, таких примеров значительно меньше.

Доклад посвящен обсуждению проблем, стоящих перед исследователем социальной структуры по материалам кремаций: на примере могильников енисейских кыргызов Тувы IX-X вв. рассмотрены возможности решения таких проблем, как установление числа погребённых в рамках 1 погребального сооружения, возможности установления пола погребённых, реконструкция социальных рангов и проблема сопоставления социального статуса кремаций и ингумаций в рамках одного социального объединения.